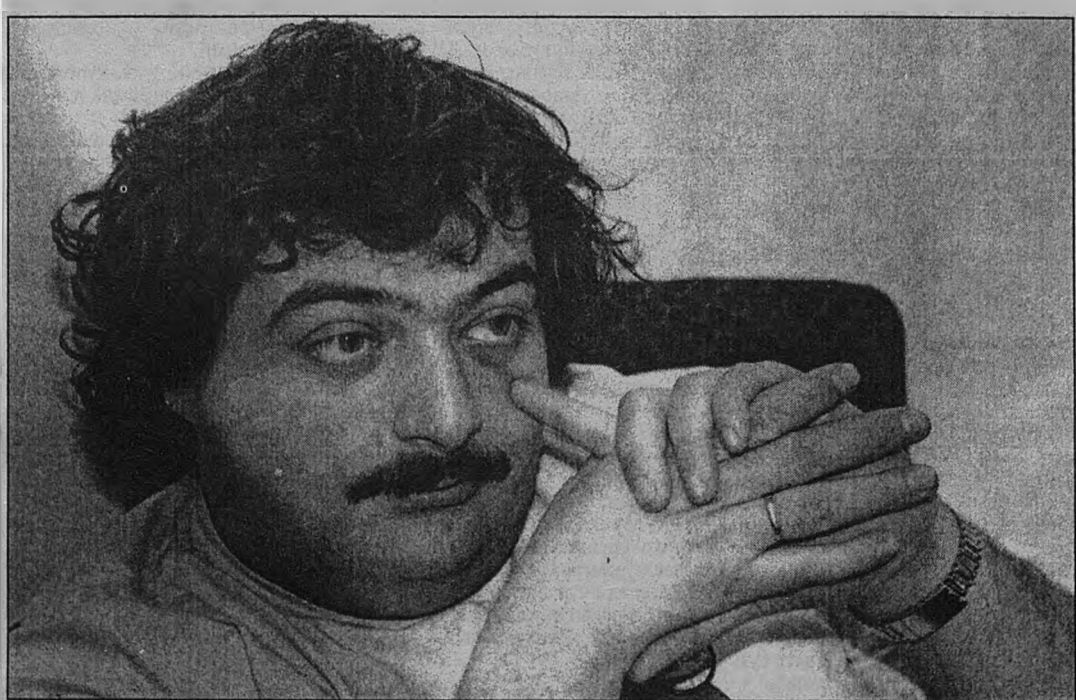


ЖУРНАЛИСТ-ОПТИМИСТ

«Худому верят меньше, чем толстому», — считает Дмитрий Быков



Недавняя
— 14 апр. —

2005 - 2001
с. 12

Дмитрий Быков думает только о хорошем.
Фото Александра Шалгина (НГ-фото)

Мария Безбородова

Дмитрий Быков — поэт, прозаик, критик, а с недавних пор еще и ведущий программ «Времечко» и «Хорошо, Быков» (ТВЦ). Таких людей называют разносторонней личностью, но сам герой интервью с этой характеристикой не согласен...

— Я СКОРЕЕ личность, зарабатывающая деньги всеми доступными мне средствами, не противоречащими уголовному и моему внутреннему кодексу. То, что делала для души — пишу стихи и прозу, — меня, к сожалению, не кормит и кормить не может. Другими словами, одна моя половина, пишущая художественную литературу, питает вторую, которая бежит по поденным заданиям и вызывает вполне понятную мне ненависть у коллег-литераторов. Несмотря на это, я все равно считаю, что журналистика — занятие рискованное, достойное и весьма мучительное. А сегодня еще и этически двусмысленное, потому что журналист постоянно становится заложником то одной, то другой политической ситуации.

— Дмитрий, вы часто критиковали действия московского правительства, и появление вашей программы на ТВЦ выглядело довольно странно...

— Согласен, это крутой эксперимент. Хотя на самом деле вся моя программа — одна большая авантюра. «Хорошо...» производит не ТВЦ, а Авторское телевидение, и я в ней выражаю свою позицию, не имеющую никакого отношения к взглядам правительства Москвы. Если бы идея сатирической программы не понравилась руководству ТВЦ, я бы ее делал на другом канале. Но особый интерес заключается как раз в том, чтобы делать передачу именно на «третьей кнопке» и наблюдать за степенью свободы, которая, по крайней мере применительно ко мне, там присутствует. У меня нет никаких запретов на критику московского правительства. Но за последний год оно никак себя не обозначило, и я никак не могу развернуться. Если пойдет очередная волна зажимов СМИ, не исключая, что «Хорошо...» закроют.

— Такое впечатление, что ТВЦ намеренно создает аналоги рейтинговых политических программ, выходящих на других каналах. Похоже, ваш проект — тоже альтернатива «Итого» и «Однако»...

— ТВЦ всегда хотело иметь своего Леонтьева или Шендеровича. Моя же главная задача — занять свою нишу. Я прекрасно понимаю, что никогда не допрыгну до уровня Шендеровича. Леонтьев и Соколов — в большей степени аналитики. Свою программу я бы назвал иронически-благодушной, и главная ее цель — уверить, что все будет хорошо. Зритель любой другой страны уже подох бы от всех этих катаклизмов, наш же от них только закаляется. И «Хорошо...» — единственная программа, пытающаяся показать этот процесс.

— Но от условностей жанра убежать нельзя: у Леонтьева ключевое слово программы — «однако», у вас — «хорошо». В вашей передаче, как и в «Итого» Шендеровича, очень много афоризмов...

— Любая новая телеигра на эрудицию будет иметь элементы «Что? Где? Когда?» или «О, счастливчик!». Мы пытались придумать другую, совсем отвязную программу: я должен лежать в гамаке и всем своим видом демонстрировать, как я счастлив. Но это уже походило на комикс, и серьезные вещи, которые я пытался донести до зрителя, ушли бы на второй план.

— У вас есть мини-пьеса «Битва титанов», в которой «киллер» Доренко нападает на мэра столицы, а «шарманщик» Киселев — на президента. Если бы в вашей пьесе было больше действующих лиц, какую роль вы отвели бы себе, Леонтьеву и Шендеровичу?

— Шендерович наблюдает за происходящим из окна и, несмотря на внешнюю отстраненность, довольно часто поплывавает в сторону Доренко. Леонтьев носится с одной стороны на другую и радостно подпрыгивает и поджуживает. Я сижу на совершенно четко обозначенной стороне и при каждом попадании говорю: «Ах, хорошо!», но как только начинаю

бить ниже пояса, перебегаю на другую сторону и сочувствую уже ей.

— В одном из интервью вы сказали, что «ангажированы лично, а финансово — никак»...

— Я ангажирован личными симпатиями. Они очень часто на стороне Путина, потому что за его действиями я вижу здравый смысл. Но трагедия в том, что не столько мне симпатичен Путин, как противны его оппоненты. Финансово, к сожалению, я не ангажирован: никто сверх гонорара ничего не платит.

— Не обижайтесь, но с недавних пор создается впечатление, что вам очень нравится «мелькать», причем неважно где. В заставке «Хорошо...» вы раздеваетесь до пояса. Могли бы вы ради популярности раздеться перед телекамерой догола?

— В последнее время любая активность воспринимается как патология. Сейчас аудитория расслоилась, и если журналист хочет донести до широкого круга людей какую-то важную мысль, ее нужно выразить и в газете, и на телевидении, а иногда еще и в глянцево-м журнале. Я использую все эти «трибуны», но согласитесь: есть люди, мелькающие гораздо больше и успешнее меня. Ради популярности я могу писать, говорить в камеру, но в стриптизе я, к сожалению, не силен. Мое обнаженное тело едва ли привлечет зрителя, а скорее отпугнет его, как отпугивает меня. В заставке «Хорошо...» (ее придумал режиссер программы Давид Ройлберг, который вообще сделал для «Хорошо...» куда больше меня) человек приходит в черном, переодевается в белое и говорит, что в стране все прекрасно. Потом опять облачается в черное и идет всех критиковать, а оттого, что в кадре мелькает его голое тело, никуда не денется.

— У пишущих журналистов, работающих на ТВ, есть существенный недостаток: видно, что они читают заранее подготовленный текст...

— К сожалению, на АТВ нет теледиффузора, или, как говорят телевизионщики, «дурака». Я пишу «болванку», а потом наговариваю текст. Моя проблема — излишняя гладкость речи. Возможно, скоро буду «экать» и «мекать». Киселев однажды верно заметил, что это позволяет телезрителю более четко воспринимать мысль ведущего.

— Вы и так говорите очень быстро, а если к этому прибавятся еще и «эканья», воспринимать вашу речь будет просто невозможно...

— Я и стихи читаю вслух довольно быстро. Главная задача программы — дать телезрителю два-три ключевых слова, которые полностью характеризуют ситуацию. Найти эти слова помогают появляющиеся время от времени на экране восклицательные знаки и галочки. «Хорошо...» ориентирована на людей, думающих в том же темпе, в котором я говорю. Я не хочу, чтобы программу раскручивали. Пусть у «Хорошо...» будет маленькая, но своя аудитория, на которую я очень рассчитываю.

— Кого вы считаете своей аудиторией?

— Мои потенциальные зрители — люди от двадцати до сорока лет, много работающие, не только потерявшие, но и выигравшие от последних событий. Я успел заметить, что программа больше нравится технарям, нежели гуманитариям. Это, наверное, потому, что гуманитариям, на мой взгляд, вообще ничего не нравится.

— Дизайн «Хорошо...» больше подошел бы для каналов МУЗ-ТВ или MTV, и ваш имидж не очень соответствует клиповому монтажу программы...

— Согласен, но хохма как раз в том, что сидит вальяжный respectable-ный толстяк в галстук (который, к слову, ему не идет), а вокруг все суетится. По замыслу Малкина, все строится на контрасте общего безумия и моей тяжеловесной статуарности.

— Несколько лет назад вас судили за употребление матерного слова в газете «Мать». Предупреждали ли вас на АТВ, что матом в эфире ругаться нельзя?

— С того момента прошло семь лет, и за это время, покорный общему закону, переменялся и я. Сейчас я употребляю ненормативную лексику только в случае сильной физической боли. Конечно, много ругаюсь, когда смотрю ту или иную телепрограмму.

— Дмитрий, со страниц газет вы ча-

сто критикуете телеведущих. Как вы сами реагируете на критику?

— Положительно, но в большинстве случаев она сводится к тому, что я толстый. Согласитесь, когда худой человек говорит «хорошо», это далеко не так убедительно, как если об этом говорит толстый. Еще мне иногда звонят и сообщают, что я «жидовская морда». К этому я тоже отношусь положительно, хотя она у меня жидовская только напополам (за это, кстати, получаю и справа, и слева).

— Несколько лет назад программа «Времечко», в которой вы работаете, распалась на две самостоятельные передачи. Считаете ли вы нормой подобное «телевизионное клонирование»?

— Цивилизованный развод всегда заслуживает уважения. Если кто-то из программы «Хорошо...» решит отколоться и сделать альтернативную передачу под названием «Отлично!», буду только рад, потому что появится реальный конкурент. И вообще я любую ситуацию противостояния, жесткой конкуренции и взаимных наездов.

— Есть такой афоризм: «Ирония — это порицание, которое останавливается на полпути». Вам никогда не хотелось делать более серьезную политическую программу, чтобы в ней, не останавливаясь на полпути, «приложить» некоторых своих оппонентов?

— Для аналитика я человек очень необразованный и неангажированный. И на то, чтобы делать серьезную программу о политике, у меня не хватит ни ума, ни сил. Да и вообще, литературные халтурщики меня бесят гораздо больше, чем политические. Настоящую аналитическую программу мог бы делать руководитель «Хорошо...» Боря Гуреев: он трезвее и благожелательнее меня.

— В конце программы вы всегда говорите, что все будет хорошо. Это искреннее убеждение или ирония?

— Я убежден: в России все будет хорошо, потому что у нас всякий минус обращается в плюс. На протяжении всей истории Россия жила омерзительно и из всего этого извлекала грандиозные выгоды: замечательную литературу, прекрасную молодежь, отличных борцов. Я уже писал, что наша история — это не история событий, а история идей. Многие говорят, что в России наступает тоталитаризм. Нынешний режим — не диктаторский. Но меня постоянно мучает вопрос: сможем ли мы без него существовать? Чем больше мы кричим: «Волки!», тем ужасней эти волки могут стать. Обязанность государства — быть сильным, а наша с вами обязанность — по этому поводу писать, хотим мы того или нет. Недавно я решил навести порядок в комнате старшей дочери: выбросил массу вещей, с моей точки зрения, совершенно ненужных, мешающих не только жить, но и нормально учиться. Но выбрасывание этих вещей, чрезвычайно для нее дорогих и важных, вызвало потоки слез. И тогда я понял, что невозможно навести порядок даже в отдельно взятой комнате, не наступая на интересы родного существа. Если бы моя дочь владела «пиаром», она бы, безусловно, устроила в этой же комнате рок-концерт с участием всех своих одноклассников с требованием: «Руки прочь от комнаты Жени Кузнецовой!!!» И они бы себя чувствовали совершенно свободными людьми, а я выглядел бы как тиран и душитель. Но сейчас такая тактика неуместна. Правильно сказал Виктор Астафьев: «Если бы у нас по фронту бежали солдатские матери, мы бы не выиграли войну». Конечно, я не буду солидаризироваться с властью, когда она давит на моих коллег. Но ужас моей позиции в том, что действия этих коллег меня довольно часто отвращают. То, чем они занимаются — уже не журналистика, а триумф черной «птицы», манипулирование массовым сознанием. ■

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Дмитрий Быков родился в Москве 20 декабря 1967 года. Окончил кафедру литературной критики факультета журналистики МГУ. Заместитель главного редактора «Собеседника». Выпустил четыре сборника стихов. Женат, имеет двоих детей.